

ОГЛАВЛЕНИЕ

В()МЕСТЕ

- 009 ВРЕМЯ РИМ
- 015 ВОЗМОЖНО ВОЗМОЖНЫ (Венеция)
- 020 РЕГЕНСБУРГ
- 026 ОСТРОВАМИ (Нисирос, Сими, Тилос)
- 030 К УЩЕЛЬЯМ (Самария, Рихтис, Имброс)
- 034 ВАРИАНТЫ (Гент)
- 037 КАМЕНЬ НА КАМНЕ
(Херсонес, Чуфут-Кале, Меганом, Чатырдаг)
- 041 БАШНИ (Сан-Джиминьяно)
- 044 ПОЛ ВСТРЕЧИ (Сиена)
- 047 СИЦИЛИАНСКАЯ ЗАЩИТА
- 058 ПЧЕЛЫ МАЛЛИИ (Крит)
- 064 ДРЕВНЕЕ МЕСТО (Палеохора)
- 066 КАМЕНЬ РОЗЫ (Родос)
- 069 ВОКРУГ ЛЕСА (Кордова)
- 071 ЛИСТЬЯ СПОКОЙСТВИЯ (Цейлон)
- 075 НЕПОВТОРНОСТЬ (Гранада)
- 080 ВНУТРИ (Гуадикс)
- 082 В КРУГЕ ИЗ КРУГА (Крумлов/Крумау)
- 083 ИЗ (Порту)
- 085 НА КРАЮ (Лиссабон)

- 088 ЗАЛИВ (Черногория)
092 ТРИ ТРИ (Коломна, Калуга, Уфа)
094 МАГНИТ ВЕТРА (Санторин)

ЗДЕСЬ

- 099 Не начало
109 Рыжая глава
200 Каштановая глава
285 Не конец

ВРЕМЯ РИМ

медленно тлеет в ночных арках. Маки горят между ночных колонн. Ушедшие факелы площади вечером дрожат голубым дымом в камнях. Из стены жилого дома скачет потоками морской бог на колеснице. Время — вода? Буйствующая на площади среди разметанных рук и ног мрамора, тихо заглядывающая в глаза на углу переулка.

Вода фонтанов чаще вниз к человеку, чем к небу. Её блестящие стены напоминают, что движется всякая стена, хотя иногда медленно. Она так бела, что мрамор над ней желтеет. Если вверх, в церкви философа из Кентербери — тонко, едва заметно, не мешая. Дольше домов живут дороги и входные арки. Здания превращаются в низкие лабиринты фундаментов, где не заблудиться. Капители колонн сходят к земле. Только вода на своём месте — миллион раз утекшая и та же самая. Священный огонь давно погас, но его и не надо. Есть время. Входы разбрасывают лучи плоских кирпичей. Замурованные книги. Складки продолжают жить, хранить течение жеста, тонкость ткани.

Петр даёт Павлу окна, истончившийся до пропуска света камень. Сохранивший твёрдость внутренних волн. Нарваловая кость вьющихся колонн. Между ними южноамериканские броненосцы, которых откроют через семьсот лет. Залы собраний, базилики, стали церквями, потом церкви — залами собраний туристов, жильём тихого эха, хранилищами пустоты. Улицы многократно более узки. Но времени здесь не тесно.

Пластиковые рамы в средневековых бойницах-окнах рынка древней империи. Колонны храма Адриана дают пространство дому, где за окнами XIX века светятся компьютеры биржи. Ветхозаветный пророк времен Возрождения с имперскими львами на плитах с древнеегипетскими иероглифами.

Рогатый барочный фасад, поднявшись за колоннами храма Антонинов, превратил его в церковь, доставшуюся святому Лоренцо. Время течёт разными реками и ручейками, отучает спрашивать «когда?», не уточнив «что?» В глухой стене средневекового дома с контрфорсами окошечко, на балконе цветы в горшках и антенна спутникового телевидения. Византийские мозаики над чеканкой модерна дверей. Вилла времён Возрождения — остатки императорского дворца. Каменные киноплёнки Траяна и Марка Аврелия. Негативы мозаик в термах Каракаллы. Круглое бунгало второго века до нашей эры. Церковь переделана из римского здания третьего века с романской колокольной десятого, у дверей куча мотоциклов, оставленных приехавшими на службу. На Тарпейской скале, откуда сбрасывали преступников, — милый цветник. В средневековой амбразуре сохнут синие носки. Как они могут так? Да только так и можно.

Арки театра стали хорошим основанием для средневековых домов наверху. Продыmlенная точность вплавлена в белую туманную тяжесть, не разделить. Вечерами в квартирах горит свет неизвестного времени. Жилой дом барокко прорастает из стены империи. Средневековая башня выросла в другой дом. Неопределённое живет лучше. Квартал длится — что-то отмирает, как частички кожи, что-то вырастает. Дома опираются на церковь — зачем зря пропадать ее боковым стенам? Зданием может стать промежуток между рядами колонн двух старых, между Юноной и Янусом — и будет втягивать в себя поодиночке колонны третьего, четвертого, пятого храмов. Все разные — розовые, зелёные, гладкие, с желобками. За фасадом, что моложе стен ещё на четыреста лет. Сейчас там святой Никколо. А земля по сторонам смотрит в небо, освободившись от крыш. Время не из мгновений, а из их перемен. Не песчинки, а их течение сквозь горло.

Саркофаг становится фонтаном, вода медленно переливается через его край. Мавзолей стал крепостью. К другому

мавзолею пристроили домик и дворик, получилась загородная резиденция. Около грота полузасыпанной арки сушится белье — там и сейчас живут. Впереди полно мёртвых, позади тоже, так ли сильно ты отличаешься от них? Мы живем в сделанном не для нас, в том, что могло быть совсем другим. Музей из церкви из митраистского храма из виллы — время смеётся над началом, но и над концом. Обломки надписей — огромные обрывки газет. Становясь украшениями стены, они не нуждаются ни в целости, ни в расположении — хоть перевернуть. Ступни без веса тела спокойно идут по вертикали стены. Если встанешь за постаментом — из тебя получится хороший бюст. Не начало, но продолжение перемен. Санта-Клаусы лезут по стенам с подарками. Статуя Пасквино по-прежнему оклеена пасквилями. Пластиковые мешки с мусором выглядят ночными обломками мрамора.

Время — это не сейчас. Отсюда и неспешность «завтра». В дружбе со временем люди сумели и диктатуру превратить в плохой анекдот. На автобусах написано АТАС, официальная надпись на памятнике начинается со слова Figli. Продавцы — спокойные джентльмены, обсчитывающие элегантно и уверенно. Время не деньги — посмеиваясь и над ними тоже. Девушки остроугольны и большеглазы. Сфинкс — женщина, многогрудая и крылатая. Кошки любят развалины храмов.

Пилоны выше деревьев — общественные бани. Общество не умеет не давить. Надо всем богини Победы на колесницах на сверкающем мраморе вставной челюсти, она же пишущая машинка. Так выглядел город императоров и их слуг — пока время не успело улыбнуться. Время ломает слишком тяжёлое охотнее. Чем чище мрамор, тем бессмысленней. Ему ещё долго терпеть, прежде чем время согласится с ними разговаривать. Получатся ли хорошие развалины из наших зданий? Только разломанному кораблю наводнения причалить к песочным часам лестницы и плыть со временем. Сесть на ступени и не уходить. Двигаясь во времени. Оно не едино, различно

в различных предметах, в их переменах, встречаясь при их встрече, разъединяясь далее.

Обглоданные стены, проступающие из металла дверей фигуры. Трещина тянет третью руку к встрече ладоней Адама и бога-творца. Дотянувшись, Адам съел яблоко. Время — на границе неподвижного порядка и бестолкового беспорядка. Траве лучше на развалинах, чем на газонах. Ближе к времени — деревья и виноград, арки, что могут умереть, но вырастут. Статуи путешествуют с арки на арку. Многотонные обелиски — через моря, и встают в центрах площадей. Соколы и глаза на их сторонах. Громадная ступня сама по себе забрела в переулок.

Дома из лоскутов. Стены, в темноте углублений несущие память подходивших к ним этажей и крыш. Память заложенных окон и надстроженных арок. Входы в исчезнувшие здания. Двери в никуда на высоте третьего этажа. Загорелые тела домов, лишившихся мраморных тог. Им не надо лишних украшений — хватает времени за ними. Кирпичи впитали дым, их глина неотличима по цвету от серого камня. Камни в древнем бетоне — как на мысе, где море размывает конгломераты времен динозавров. Тихая облеслость, медленные сады крыш прибавляют высоты пальмам. Время принимает в себя произошедшее, потому что живет им. Вечно жить — вечно меняться. Смерть — потеря способности к перемене. На холме маяк — вдруг море, напоминающее о себе чайками, всё-таки придет?

Фронтоны и колонны, ничего не несущие, обозначающие темный размах пространства внутри. Пытаясь убедить себя золотом фона, справиться с ржавчиной истерикой пышности, отчаянно занимая хоть чем-то каждый квадратный сантиметр. Пятки ангелов торчат из фрески. Барочная арка раскола — но никто не знает, вырвался ли кто-то через этот проем в небо. Время живет переменной, узнается отличием — туманности от звезды, глины от кувшина. Просыпается, встреченное людьми — но близко не подпускает. Город можно погладить, а к времени попробуй подойди.